

въ комнатахъ. Только при новомъ ректорѣ, постоянно прежде служившемъ въ семинаріяхъ, введена была новая въ этомъ отношеніи мѣра, отзывавшаяся семинарщиною. Въ каждомъ отдѣленіи избирался изъ такъ-называемыхъ благонадежныхъ студентовъ старшій, которому поручалось записывать, чѣмъ каждый наставникъ занимался и кто изъ студентовъ не былъ въ классѣ, и почему, — по болѣзни ли, или по упущенію. Для такихъ записей выдавалась старшему большая книга подъ названіемъ *журнала*.

И прежнія строгости были не по душѣ студентамъ; прибавка новыхъ не могла же имъ понравиться. Благоразумные между ними понимали, что само начальство почти невольно было къ нимъ вынуждено; горячія же головы не могли отказаться хоть отъ какого-либо сопротивленія, но большею частію дѣйствовали немножко похоже на семинаристовъ. Напримѣръ, въ самомъ началѣ, какъ только устроили отдѣльныя спальни и въ теченіи цѣлаго дня онѣ оставались запертыми на замокъ, недовольные изъ студентовъ въ слѣдующую ночь припрятали ключи отъ всѣхъ спальныхъ комнатъ, такъ чтобы хоть въ теченіи одного дня не было возможности запираеть ихъ. Потомъ особенно любили тушить огонь, который въ прибитомъ на стѣнѣ подсвѣчникѣ зажигался въ каждой спальнѣ. Обыкновенно жаловались на то, что при свѣчкѣ многіе не могутъ спать, хотя свѣтъ ея былъ закрытъ ширмочкою, и падалъ не на глаза студентовъ, а на потолокъ. Но тутъ дѣйствовало другое побужденіе. Начальство считало нужнымъ ночью проходить по спальнямъ, чтобы убѣдиться, всѣ ли студенты ночуютъ дома? При освѣщеніи спаленъ рѣшить этотъ вопросъ было тѣмъ легче, что на передней части каждой кровати на желѣзномъ листѣ писались фамилія и номеръ студента. Дѣлать было нечего. Начальство завело дежурство изъ служителей, и дежурный въ теченіе всей ночи поддерживалъ свѣтъ между будущими магистрами и кандидатами богословія. Слишкомъ горячія головы могли придумать болѣе активное сопротивленіе и увлечь за собою прочихъ товарищей. Для предотвращенія подобныхъ такъ-называемыхъ бунтовъ, начальство «*casito modo*» (въ молчанку) приняло благоразумную мѣру, постаралось о томъ, чтобы пища въ столовой была какъ можно удовлетворительнѣе и, какъ кажется, макиавелевски поняла натуру человеческую. Извѣстно, что голодные преимущественно склонны къ бунтамъ, а народъ сытый и надѣющийся, что и завтра онъ будетъ сытымъ, рѣдко склоненъ бываетъ къ революціоннымъ движеніямъ. Случалось слышать не отъ одного изъ студентовъ рассказы въ родѣ слѣдующаго. «Иногда крайне бывало осер-